

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-21-33

В. А. Воропаев¹*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

ГОГОЛЬ И ПУШКИН О ВЕРЕ И ГОСУДАРСТВЕ РОССИЙСКОМ

Речь идет о сходстве представлений Гоголя и Пушкина о Российской государственности. Подобное сходство, по мнению автора, вполне естественно и закономерно для русского православного сознания. В основе этих представлений лежат евангельские истины, идея самодержавия и христианское отношение к народу. Два великих русских писателя понимали необходимость и жизненность начал Православия, Самодержавия и Народности для русской государственности.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Российская государственность, Евангелие, Православие, Самодержавие, Народность.

V. A. Voropaev*Lomonosov Moscow State University*

GOGOL AND PUSHKIN ON FAITH AND THE RUSSIAN STATE

The article deals with the similarity of Gogol's and Pushkin's ideas about Russian statehood. Such similarity, according to the author, is quite natural and logical for the Russian Orthodox consciousness. These ideas are based on the gospel truths, the idea of autocracy and the Christian attitude to the people. The two Russian writers understood the necessity and vitality of the principles of Orthodoxy, Autocracy and Nationality for the Russian state.

Keywords: N. V. Gogol, A. S. Pushkin, Russian statehood, the Gospel, Orthodoxy, Autocracy, Nationality.

О том, что значил Пушкин для Гоголя, писали неоднократно. Вместе с тем многие существенные моменты общности мирозерцания двух великих современников не только не исследованы, но, по сути дела, и не осознаны. Попытаемся хотя бы приблизительно очертить главное в этой общности.

Встречается мнение, что Пушкин был равнодушен к религиозным вопросам. Но как же тогда понимать известное высказывание поэта о Евангелии, которое всегда было предметом его пристального внимания. В его рецензии на перевод сочинения Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека», напечатанной в третьей книжке «Современника» за 1836 г., утверждалось: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, – и такова ее вечно

¹ Владимир Алексеевич Воропаев, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член Союза писателей России.

новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие» [Пушкин, 1994–1997, т. XII, с. 99].

Известно, что Гоголь никогда не расставался с Евангелием. «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии, – говорил он. – Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось» [Гоголь, 2009–2010, т. VI, с. 406]². На письме Надежды Николаевны Шереметевой от 11 февраля 1850 г. он карандашом начертал: «Один только исход общества из нынешнего положения – Евангелие» (Там же). По свидетельству современника, писатель читал «всякий день главу из Библии и Евангелие на славянском, латинском, греческом и английском языках» [Гоголь в воспоминаниях... т. 3, с. 746; Гоголь в Одессе. 1850–1851. <Дневник Е. А. Хитрово>].

Ежедневное чтение Евангелия – неперемнная обязанность христианина, как и домашние молитвы, – у Гоголя сделалось потребностью с юных лет. В Нежине протоиерей Павел Вольтинский на уроках Закона Божьего читал с гимназистами толкования святителя Иоанна Златоуста на святых евангелистов Матфея и Иоанна. Речь шла, конечно, не о простом чтении, – недостаточно Евангелие читать, как любую иную книгу, – оно есть тот высший закон, по которому христианин должен строить свою жизнь. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия, – учит святитель Игнатий (Брянчанинов), – старайся исполнять его заповедания, читай его делами. Это – книга жизни, и надо читать ее жизнью» [Игнатий (Брянчанинов), свт., 2001, т. 1, с. 99 (О чтении Евангелия)].

В апреле 1848 г., когда в Европе кипели политические страсти, Гоголь писал графине Софье Петровне Апраксиной на пути из Иерусалима: «Не смущайтесь никакими событиями мира. Проезжайте с Богом повсюду. Справляйтесь только при всяком поступке вашем с Евангелием» (XV, 45; из письма от 25 апреля (н. ст.), Константинополь).

Константин Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя» говорит о гениальной религиозной одаренности Гоголя (эти слова часто цитируют): «Ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие “великую русскую литературу”, ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство» [Мочульский, 1995, с. 37].

В этих словах много правды, хотя есть и некоторое преувеличение: не один Гоголь повернул русскую литературу к религии – это было в основном дело Православной Церкви. Да и поздний Пушкин вышел на ту же дорогу, что, кстати

² Далее сочинения и переписку Гоголя цит. по этому изд., указывая после цитаты в круглых скобках том – римской цифрой, страницу – арабской.

сказать, хорошо сознавал и Гоголь, называя поэта «нашим первоапостолом» [Гоголь в воспоминаниях... т. 1, с. 307³]. Более точно, как представляется, значение Гоголя определил протоиерей Павел Светлов, профессор богословия Киевского университета Св. Владимира: «Мысль Гоголя о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия, так настойчиво высказанная им в нашей литературе в первый раз, явилась тем добрым семенем, которое выросло в пышный плод позднейшей русской литературы в ее лучшем и доминирующем этическом направлении. Призыв обществу к обновлению началами христианства, хранимого в Православной Церкви, был и остается великою заслугою Гоголя перед отечеством и делом великого мужества для его времени, чаявшего спасения в принципах европейской культуры» [Светлов, 1905, с. 232].

У Пушкина было особое понимание просвещения, вызревавшее на русской почве. На Западе под просвещением понималось и понимается наполнение ума положительными знаниями. Наука исследует мир опытным путем и добытыми знаниями наполняет ум, «просвещает» его. В этом и заключается главная цель такого просвещения (оно с давних пор все более укрепляется в мысли, что без Бога можно обойтись). Пушкин просвещение связывал с монашеством. Монах же несет свет Христов, а не эмпирические научные знания. В связи с этим поэт резко отзывается об Императрице Екатерине II, которая для многих была идеалом просвещенного монарха. В заметках о русской истории XVIII в. он, в частности, пишет: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угрожая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному». И далее: «В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и Государем, как между человеком и Божеством. Мы обязаны монахам нашей истории, следовательно, и просвещением» [Пушкин, т. XI, с. 16–17].

Екатерина II, по словам Пушкина, угождала духу времени, а дух времени, как известно, был атеистический. Дело здесь не в самой Императрице, а в понимании поэтом просвещения. Истинное просвещение, по его мысли, в эпоху просвещенной монархии было задавлено. В тех же заметках Пушкин объясняет особенности характера русского народа именно Православием: «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [Там же]. Нечего и говорить, что в этом вопросе Гоголь был солидарен с Пушкиным.

В лекции в Санкт-Петербургском университете о багдадском калифе Ал-Мамуне, на которой присутствовал Пушкин (опубликована в 1835 г. в сборнике «Арабески»), Ал-Мамун охарактеризован Гоголем как покровитель наук,

³ См.: Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем // Гоголь в воспоминаниях современников.

исполненный «жажды просвещения», видевший в науках «верный путеводитель» к счастью своих подданных. Однако этот правитель, по мысли Гоголя, способствовал разрушению государства: «Он упустил из вида великую истину, что образование черпается из самого же народа, что просвещение наносное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий» (VII, с. 351).

В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) Гоголь писал: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово “Просвещение”. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружающие, и знает, зачем произносит» (VI, с. 74–75).

Утверждая, что слова «просвещение» нет ни на каком языке, кроме русского, и перебирая переводы возможных соответствий этому слову в других языках, Гоголь не находит в них оттенка, который отражал бы воздействие и на нравственную природу человека. Даже такой чуткий критик, как Аполлон Григорьев, в статье «Гоголь и его последняя книга» писал: ему «непонятно в высшей степени» то, что Гоголь называет просвещением, и утверждал, что немецкое *Aufklärung* значит «решительно то же самое» [Григорьев, 1982, с. 124]. Гоголь употреблял это слово в его духовном, литургическом значении. Без духовного просвещения («Свет Христов просвещает всех!»), по Гоголю, не может быть никакого света.

Словенские учителя святые Кирилл и Мефодий являются просветителями славянских народов именно потому, что воцерковили их. Святая равноапостольная Нина была просветительницей Иверии (так называлась Грузия), потому что способствовала крещению (просвещению) жителей этой страны. Наконец, напомним, что девизом Московского университета, начертанным на наружной стене храма Святой мученицы Татианы, были – и ныне восстановлены – слова: «Свет Христов просвещает всех!»

Теперь обратимся к вопросу о монархизме Пушкина и Гоголя. Отношение Пушкина к Государю Николаю Павловичу более или менее известно. Оно выразилось, в частности, в стихах «Стансы» («В надежде славы и добра...», 1826), «Друзьям» (1828), «Герой» (1830). По свидетельству князя П. А. Вяземского, Императору Николаю поэт был «душевно предан». Его привлекали человеческие качества Николая Павловича, «мужественного и сильного духом». В черновике письма к П. Я. Чаадаеву (1836) Пушкин как положительный факт оценивает деятельность Государя, который, по его словам, «первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке». Известны предсмертные слова Пушкина, обращенные к В. А. Жуковскому для передачи царю: «Скажи, что мне жаль умереть; был бы весь его».

В благоговении перед идеей православной монархии Гоголь совершенно сходил с Пушкиным. В статье «О лиризме наших поэтов», вошедшей в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь говорит о двух предметах, которые вызвали у русских поэтов высокое лирическое одушевление, близкое к библейскому. Первый из них – Россия, второй – любовь граждан к своему монарху. «От множества гимнов и од царям, – пишет Гоголь, – поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение. Что их чувства искренни – об этом нечего и говорить. Только тот, кто наделен мелочным остроумием, способным на одни мгновенные, легкие соображенья, увидит здесь лесть и желанье получить что-нибудь...» (VI, с. 41).

Размышляя о значении самодержавия для России, Гоголь приводит следующие слова Пушкина. «“Зачем нужно, – говорил он, – чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит”» (VI, с. 42–43).

И далее: «“Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!” Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значенье великих истин!» (VI, с. 43).

В недавно вышедшем новом издании «Пушкин в воспоминаниях современников» утверждается, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь создает «консервативную легенду» о поэте [Пушкин в воспоминаниях современников, 1998, с. 598]. Однако факты этому противоречат. Те суждения поэта, что привел Гоголь, подтверждаются в других источниках. Так, например, слова Пушкина о Соединенных Штатах, сказанные, видимо, в личной беседе, находят подтверждение в мемуарах Веры Ивановны Анненковой, видевшей Пушкина в январе 1837 г. у великой княгини Елены Павловны: «Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: “Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом”» [Андроников, 1964, с. 175].

В другом месте Гоголь называет стихотворение Пушкина «Странник» (опубликовано в посмертном собрании сочинений 1841 г. под заглавием «Отрывок») таинственным побегом из города. Издатель «Русского Архива» П. И. Бартенев

пишет по этому поводу: «Припомним также загадочное стихотворение “Отрывок”, которое Гоголь в статье о лиризме наших поэтов назвал таинственным побегом из города. По словам Гоголя, которые удалось узнать мне частным образом, Пушкин за год до смерти действительно хотел бежать из Петербурга в деревню; но жена не пустила» [Гоголь в воспоминаниях... т. 3, с. 701]. Это свидетельство подтверждается записью в дневнике Екатерины Александровны Хитрово, передавшей слова Гоголя о Пушкине: «Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться» [Там же, с. 748].

В подтверждение монархических убеждений Пушкина Гоголь приводит стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...» (впервые напечатано в 1841 г. под названием «К Н***»). Обращаясь к В. А. Жуковскому, он говорит: «Это внутреннее существо – силу самодержавного монарха он (Пушкин.– В.В.) даже отчасти выразил в одном своем стихотворении, которое между прочим ты сам напечатал в посмертном собрании его сочинений, выправил даже в нем стих, а смысла не угадал. Тайну его теперь открою. Я говорю об оде Императору Николаю, появившейся в печати под скромным именем: “К Н***”. Вот ее происхождение. Был вечер в Аничковом дворце, один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества. Между ними был тогда и Пушкин. Все в залах уже собралось; но Государь долго не выходил. Отдалившись от всех в другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей от дел минутой, он развернул “Илиаду” и увлекся нечувствительно ее чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принесся на лице своем следы иных впечатлений. Сближение этих двух противоположностей скользнуло незамеченным для всех, но в душе Пушкина оно оставило сильное впечатление, и плодом его была следующая величественная ода...» (VI, с. 43).

И далее Гоголь цитирует стихотворение в том виде, как оно было опубликовано Жуковским:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали.
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрыжали.
И что ж? Ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял нас, бессмысленных детей,
Разбив листы своей скрыжали.
Нет! Ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Сходить под тень долины малой,
Ты любишь гром небес, и также внемлешь ты
Журчанью пчел над розой алой.

Прочитывая стихи Пушкина, Гоголь говорит: «Оставим личность Императора Николая и разберем, что такое монарх вообще, как Божий помазанник, обязанный стремиться вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог, и вправе ли был Пушкин уподобить его древнему Боговидцу Моисею?» (VI, с. 44). И затем, сказав о богоустановленности Царской власти, ведущей свое происхождение от ветхозаветных пророков, Гоголь замечает: «Кажется, как бы в этом стихотворении Пушкин, задавши вопрос себе самому, что такое эта власть, сам же упал во прах перед величием возникнувшего в душе его ответа» (VI, с. 45).

Впоследствии биографом Пушкина П. В. Анненковым была обнаружена и напечатана еще одна строфа из этого стихотворения:

[Таков прямой поэт. Он сетует душой
 На пышных играх Мельпомены,
 И улыбается забаве площадной
 И вольности лубочной сцены.]
 То Рим его зовет, то гордый Илион,
 То скалы старца Оссиана,
 И с дивной легкостью меж тем летает он
 Во след Бовы иль Еруслана.

Первые четыре строки (от слов: «Таков прямой поэт») зачеркнуты в автографе, что говорит о том, что Пушкин испытывал какие-то сомнения в отношении их смысла, — они не подтверждают всего предыдущего.

История написания пушкинского послания (эпизод о том, как Император Николай Павлович читал «Илиаду») в первом и единственном прижизненном издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» была исключена цензурой, что привело к недоумению и кривотолкам. Современники считали адресатом стихотворения Николая Гнедича. Так, В. Г. Белинский в 5-й статье пушкинского цикла («Отечественные Записки», 1844) упоминает его под заглавием «К Гнедичу». Поэт и литературный критик С. П. Шевырев писал Гоголю 30 января 1847 г.: «Как мог ты сделать ошибку, нашед в послании Пушкина к Гнедичу совершенно иной смысл, смысл неприличный даже? Не знаю, как Плетнев не поправил тебя. Послание адресовано к Гнедичу: как же бы Пушкин мог сказать кому другому “ты проклял нас”?» (XIV, с. 97).

Замечание Шевырева несправедливо. Во-первых, смысл стихотворения прямо противоположный:

Ты проклял нас, бессмысленных детей,
 Разбив листы своей скрыжали.
 Нет, ты не проклял нас...

Во-вторых, Шевырев, как и Гоголь, цитирует стихи Пушкина по первой публикации. Ни тот, ни другой не видели автографа, — а в нем указанная строка читается иначе: «Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей...».

В ответ Гоголь посылает Шевыреву исключенный цензурой отрывок статьи и в приписке сообщает: «Слух о том, что это стихотворение Гнедичу, распустил я. С моих слов повторили это “Отеч<ественные> Зап<иски>”» [письмо от 27

апреля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя] (XIV, с. 244). В свою очередь П. А. Плетнев уверял Шевырева (в письме от 24 марта 1847 г.): «То, что вы считаете за послание Пушкина к Гнедичу (как и я иногда думал), писано к Государю. Раз, во время бала в Аничковом дворце, он долго не выходил, остановившись над Илиадой, которая попала ему на глаза и которую он стал тут читать. При вступлении его заметили на его лице выражение серьезное. Это видел и Пушкин, который, возвратясь домой, и написал: “С Гомером долго ты беседовал один” и проч. Прочтите до конца: вам теперь будет понятно каждое слово. А прежде, когда я вместо Государя воображал Гнедича, не мог растолковать себе, к чему говорится тут о пляске и проч.» [Гоголь в воспоминаниях... т. 1, с. 695⁴].

Так или иначе, первые издатели Пушкина в комментариях указывали, что послание «С Гомером долго ты беседовал один...» адресовано Императору Николаю Павловичу. И здесь, помимо авторитета Гоголя, имел значение тот факт, что стихотворение датируется 1834 г., в то время как Гнедич умер в 1833 г. Маловероятно, что Пушкин стал бы писать почти панегирик Гнедичу, обращаясь к нему как к живому («Ты любишь с высоты / Сходить под тень долины малой, / Ты любишь гром небес...»). Последняя палеографическая экспертиза подтвердила, что дата «1834» в черновом автографе написана рукой Пушкина [Рукописи Пушкина, 1964, с. 25, 91].

Люди с чуткой поэтической душой не испытывали сомнений относительно адресата пушкинского послания. Так, например, Афанасий Фет писал поэту Константину Романову (К.Р.) в декабре 1887 г.: «В глубине души я вынужден признать, что, невзирая на верноподданнические убеждения, я не был бы так предан памяти Императора Николая, если бы не знал его глубокого сочувствия всем свободным искусствам вообще, сочувствия, так ярко выставленного Пушкиным стихом: “С Гомером долго ты беседовал один”» [К.Р., 1999, с. 261].

Черновые строки стихотворения (неизвестные Гоголю) со всей определенностью указывают на Государя Николая Павловича:

...Могучий властелин

С Гомером долго ты беседовал один.

Николай I был настоящий властелин, каким он показал себя в 1831 г. на Сенной площади, заставив силой своего слова взбунтовавшийся из-за холеры народ пасть перед ним на колени (ср. письмо Пушкина к П. А. Осиповой от 29 июня 1831 г.). Для автора «Стансов» Император Николай Павлович был царь «суровый и могучий»:

И новый царь, суровый и могучий,

На рубеже Европы бодро стал...

(«Была пора: наш праздник молодой...», 1836).

В советском литературоведении, однако, утвердилось мнение, что это стихотворение обращено к Гнедичу как переводчику «Илиады» [об истории вопроса см.: Мейлах, 1974]. Тем не менее, многие вопросы остаются без ответов.

⁴ Гоголь в письмах П. А. Плетнева.

Если Пушкин имел в виду Гнедича, то почему Жуковский не назвал адресата? Кто надписал «К Н***» в белой рукописи и кто скрыт под этим названием? Откуда Белинский мог знать то, чего не знали Плетнев и Жуковский? Зачем Гоголь распространял слух, что стихотворение адресовано Гнедичу?

Создается впечатление, что Гоголь знал нечто такое, чего не знали друзья Пушкина. История, рассказанная в статье «О лиризме наших поэтов», находит подтверждение в «Записках А. О. Смирновой», изданных ее дочерью Ольгой Николаевной Смирновой. Вот уже более ста лет они вызывают споры в отношении подлинности. Здесь, в частности, упоминаются поэмы и стихотворения Пушкина, которые Александра Осиповна передавала на прочтение Императору Николаю Павловичу. Среди них – «стихи Н., когда Государь читал “Илиаду” перед балом». «Этот последний факт, – говорил Пушкин, – я рассказал Гоголю, который записал его, так он был им поражен». На вопрос поэта, почему она настаивала на том, чтобы тотчас показать Государю эти стихи, Смирнова сказала: «Потому что они прекрасны и доставили ему удовольствие, да вы и сами отлично знаете, что он мне ответил». Ответил же Государь, по ее словам, следующее: «Я и не подозревал, чтобы Пушкин до такой степени за мною наблюдал и чтобы это даже могло поразить его. Это не поразило никого более из бывших на бале» [Гоголь в воспоминаниях... т. 2, с. 342].

Но все-таки мы не можем исключить Гнедича как хотя бы привходящего (то есть дополнительного, от «привходить» – являться дополнением к чему-либо) адресата послания. Возможно, что Пушкин имел в виду и великий труд Гнедича, и Государя Николая Павловича (его, возможно, более), читавшего «Илиаду», которая и была ему посвящена от переводчика.

Но вернемся к Гоголю. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он выступил в роли государственного человека, стремящегося к наилучшему устройству страны, установлению единственно правильной иерархии должностей, при которой каждый выполняет свой долг на своем месте и тем глубже сознает свою ответственность, чем это место выше («Занимающему важное место»). Отсюда разнообразие адресатов писем: от государственного деятеля до духовного пастыря, от человека искусства до светской женщины. Гоголевская апология России, утверждение ее мессианской роли в мире опираются не на внешнее благоустройство и международный авторитет страны, не на военную мощь, а главным образом на духовные устои. Писатель смотрит на Россию как православный христианин, сознающий, что материальные богатства должны быть подчинены высшей цели. По Гоголю, залог будущего России не только в особых духовных дарах, которыми щедро наделен русский человек по сравнению с прочими народами, а еще и в осознании им своего неустройства, своей духовной нищеты (в евангельском смысле), и в тех огромных возможностях, которые имеются в России как сравнительно молодой христианской державе: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих”, – вот что мы должны всегда говорить о себе... Мы еще растопленный металл,

не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» (VI, с. 203; глава «Светлое Воскресенье»).

Залог самобытности России и главную ее духовную ценность Гоголь видел в Православии. «Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, – и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!» (VI, с. 203; глава «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве»).

Единственным условием духовного возрождения России Гоголь считал воцерковление русской жизни. «Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всеми видим, – наша Церковь... В ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направленье, всему законная и верная дорога. Никакие блага преобразования в стране невозможны без благословения Церкви: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» (VI, с. 73; глава «Просвещение»).

Политическая мысль Гоголя носит консервативный характер. Все вопросы жизни – бытовые, общественные, государственные, литературные – имеют для него религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к изменению общества через преобразование человека. «Брожение внутри не исправить никаким конституциям... – отвечал он В. Г. Белинскому. – «Общест<во> образуется само собою, общес<тво> слагается из единиц. <Надобно, чтобы каждая едини>ца исполнила долж<ность свою> <...> Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но> высокий гражданин высокого небесного <гра>жданства. Покуда <ско>лько-нибудь не будет <он> жить жизнью <неб>есного гражданина – до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство» (XIV, с. 392; наброски неотправленного письма, конец июля – начало августа (н. ст.) 1847 г., Остенде).

Корнем политических воззрений писателя был монархизм. Императора Николая Павловича он называл «Великим Государем». «Высшее значение монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы, – писал он. – Страницы нашей истории слишком явно говорят о воле Промысла: да образуется в России эта власть в ее полном и совершенном виде» (VI, с. 46; глава «О лиризме наших поэтов»). В один

узел сходятся у Гоголя судьбы России, Церкви и самодержавия. «Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое – быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь» (Там же).

В трактовке России как теократического государства Гоголь расходился с Пушкиным. Вместе с тем он солидарен с ним в своих симпатиях к дворянству как образованному классу. В своем «истинно русском ядре» – считал он – это сословие прекрасно, оно является хранителем «нравственного благородства» и требует особенного внимания со стороны Государя. Перед дворянством Гоголь ставит две задачи. Первая состоит в том, чтобы «сослужить истинно благородную и высокую службу царю», а для этого стать «на неприманчивые места и должности, опозоренные низкими разночинцами». Суть второй – войти в «истинно русские» отношения к крестьянам, «взглянуть на них, как отцы на детей своих» (VI, с. 148, 149; глава «Занимающему важное место»).

В отношении к Императору Петру I Гоголь ближе к Пушкину и М. П. Погодину, нежели к славянофилам. Причины петровских преобразований он объяснял необходимостью «пробуждения» русского народа, а также тем, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил...» (VI, с. 156; глава «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»).

В крепостном праве Гоголь видел прямое следствие петровских преобразований и призывал подумать заблаговременно, чтобы «освобождение не было хуже рабства». В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» помещик Хлобуев говорит о своих крестьянах: «Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толку» (V, с. 443). Сходную позицию в этом вопросе занимали многие русские писатели, в том числе Н. М. Карамзин и И. В. Киреевский.

В то же время Гоголь неустанно говорил о священных обязанностях помещиков по отношению к крестьянам. Подлинную отмену крепостной зависимости он видел не в европейской пролетаризации русского крестьянства, а в превращении дворянских имений в монастырские по духу, где задача вечного спасения займет подобающее ему место. За наружным блеском и благоустройством Запада Гоголь усматривал зачатки социально-политических катастроф. «В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, – писал он графине Л. К. Виельгорской, – что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России» (VI, с. 131; глава «Страхи и ужасы России»).

Исторические и политические взгляды Гоголя близки к воззрениям Карамзина («Записка о новой и древней России») и славянофилов. Вместе с тем великий писатель остался непревзойденным в религиозном восприятии Запада: «... ни в ком не было такого глубокого непосредственного ощущения религиозной неправды современности» [Зеньковский, 1997, с. 37].

Итак, подводя итог сказанному, можно заключить, что у Гоголя и Пушкина не просто сходные представления о Российской государственности, но вполне естественные и закономерные для русского православного сознания. В основе их лежат евангельские истины, идея самодержавия и христианское отношение к народу. Здесь нельзя не вспомнить знаменитую уваровскую формулу: Православие, Самодержавие, Народность. В России не всегда это исполнялось в полноте, но никогда и не забывалось. Два великих русских писателя понимали необходимость и жизненность этих начал для русской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андроников, И. Л. Лермонтов: Исследования и находки / И. Л. Андроников. – Москва: Художественная литература, 1964. – 660 с.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. / Н. В. Гоголь; Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. – Москва; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

<**Гоголь в воспоминаниях...**> Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое изд.: в 3 т. / Изд. подгот. И. А. Виноградов. – Москва: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Григорьев, А. А. Гоголь и его последняя книга / А. А. Григорьев // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. – Москва: Искусство, 1982. С. 106–125.

Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский; Сост. П. В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой; вступ. статья В. Н. Жукова и М. А. Маслина. – Москва: Республика, 1997. 368 с. – (Мыслители XX века).

<**Игнатий (Брянчанинов), свт.**> Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): [в 8 т.] / Сост. и общ. ред. А. Н. Стрижева. – Москва, 2001–2007.

К. Р. Избранная переписка / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский и др.; сост. Л. И. Кузьмина. – Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – 529 с.

Мейлах, Б. С. «С Гомером долго ты беседовал один...» / Б. С. Мейлах // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 213–221.

Мочульский, К. Духовный путь Гоголя / К. Мочульский // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В. М. Толмачева; примеч. К. А. Александровой. – Москва: Республика, 1995. – С. 6–60.

Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, Р. В. Иезуитова и др.; вступ. статья В. Э. Вацуро. – 3-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1998. – 656 с. – (Пушкинская библиотека).

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: [в 17 т.] / А. С. Пушкин. – Москва: Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»: Известия, 1994–1997.

Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1837 года. Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – 112 с.

Светлов, П. Я. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания (Богословско-апологетическое исследование) / П. Я. Светлов. – <Сергиев Посад,> 1905. – 463 с.

REFERENCES:

Andronikov, I. L. Lermontov: Issledovaniia i nakhodki / I. L. Andronikov. – Moskva: Khudoz. literatura, 1964. – 660 s.

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 t. / N. V. Gogol'; Sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. – Moskva; Kiev: Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii, 2009–2010.

Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematičeskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kritičeskoe izdanie: v 3 t. / Izdanie podgot. I. A. Vinogradov. – Moskva: IMLI RAN, 2011–2013.

Grigor'ev, A. A. Gogol' i ego posledniaia kniga / A. A. Grigor'ev // Russkaia estetika i kritika 40–50-kh godov KhIKh veka / Podgot. teksta, sost., vstup. stat'ia i primech. V. K. Kvntora i A. L. Ospovata. – Moskva: Iskusstvo, 1982. – S. 106–125.

<**Ignatii (Brianchaninov), svt.**> Polnoe sobranie tvoreniia sviatitelia Ignatii (Brianchaninova): [v 8 t.] / Sost. i obshch. red. A. N. Strizheva. – Moskva, 2001–2007.

K. R. Izbrannaya perepiska / Izdanie podgot. E. V. Vinogradova, A. V. Dubrovskiy i dr.; sost. L. I. Kuz'mina. – Sankt-Peterburg: Izd-vo «Dmitriy Bulanin», 1999. – 529 s.

Meilakh, B. S. «S Gomerom dolgo ty besedoval odin...» / B. S. Meilakh // Stikhotvoreniia Pushkina 1820–1830-kh godov. – Leningrad: Nauka, 1974. – S. 213–221.

Mochul'skii K. Dukhovnyi put' Gogolia / K. Mochul'skii // Mochul'skii K. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii / Sost. i poslesl. V. M. Tolmacheva; primech. K. A. Aleksandrovoi. – Moskva: Respublika, 1995. – S. 6–60.

Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t. T. 2 / V. E. Vatsuro, M. I. Gille'son, R. V. Iezuitova i dr.; vstup. stat'ia V. E. Vatsuro. 3-e izd., dop. – Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 1998. – 656 s. – (Pushkinskaia biblioteka).

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenii: [v 17 t.] / A. S. Pushkin. – Moskva: Gazetno-zhurnal'noe ob'edinenie «Voskresen'e»: Izvestiia, 1994–1997.

Rukopisi Pushkina, postupivshie v Pushkinskii Dom posle 1837 goda. Kраткое описание / Sost. O. S. Solov'eva. – Moskva; Leningrad: Nauka, 1964. – 112 s.

Svetlov, P. Ya. Ideia Tsarstva Bozhiiia v ee znachenii dlia khristianskogo mirosozertsaniia (Bogoslovsko-apologetičeskoe issledovanie) / P. Ya. Svetlov – <Сергиев Посад,> 1905. – 463 с.

Zen'kovskii, V. V. Russkie mysliteli i Evropa / V. V. Zen'kovskii; sost. P. V. Alekseeva; podgot. teksta i primech. R. K. Medvedevoi; vstup. stat'ia V. N. Zhukova i M. A. Maslina. – Moskva: Respublika, 1997. – 368 s. – (Mysliteli KhKh veka).